

УДК 821.111.09
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-97-107

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «ПОГРЕБЕННЫЙ ВЕЛИКАН»

Тамара Львовна Селитрина

д. филол. н., профессор кафедры
романо-германского языкознания и зарубежной литературы
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
450025, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3. Selitrina@yandex.ru
SPIN-код: 8794-0210
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0357-2218>
ResearcherID: S-5226-2016

Дилара Глимхановна Халикова

старший преподаватель кафедры иностранных языков
Уфимский государственный нефтяной технический университет
450062, г. Уфа, ул. Космонавтов, 1. Dilarakhali@gmail.com
SPIN-код: 4422-0325
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9895-4643>
ResearcherID: S-5007-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Селитрина Т. Л., Халикова Д. Г. Художественный мир средневековья в романе К. Исигуро «Погребенный Великан» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 97–107. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-97-107

Please cite this article in English as:

Selitrina T. L., Khalikova D. G. Khudozhestvennyy mir srednevekov'ya v romane K. Isiguro "Pogrebennyy Velikan" [Fictional World of the Middle Ages in K. Ishiguro's Novel *The Buried Giant*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 97–107. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-97-107 (In Russ.)

Статья посвящена специфике времени и пространства, проблеме памяти и забвения в последнем романе Исигуро «Погребенный великан» (2015). Действие романа помещено в широкий контекст легендарной истории Британии и, в определенной мере, всего человечества. Проанализирована картина мира человека раннего Средневековья, когда христианское мировоззрение накладывалось на мощный пласт мифологических представлений. Прослеживается наличие исторического фона в контексте мифологического времени фэнтези. Большое внимание уделено образу сэра Гавейна, защитника христианского гуманизма, сопоставительно с трактовкой образа рыцаря Круглого стола в известных рыцарских романах с проблематикой любовного искушения. Подчеркивается, что из трех нарративных элементов, вокруг которых строится и композиция, и интрига, основным является мотив странствия-путешествия, связанный с поэтикой пейзажа и хронотопом в восприятии как средневекового человека, так и нашего современника. Повествуется о сложности и запутанности человеческих судеб, об одиночестве и покаянии, о памяти и забвении, о любви и прощении. Исигуро обращается к глобальным и в то же время личностным проблемам бытия, используя мифы, истории и фантастические мотивы как инструменты.

Роман «Погребенный великан» написан для интеллектуалов и представляет собой своего рода Science Fiction с четко выраженным историческим фоном, в финале приближаясь к жанру притчи. В заключение акцентируется мысль о том, что роман Исигуро – это роман-предупреждение, в котором в художественной форме показано осознание истории как урок будущим поколениям.

Ключевые слова: Исигуро; погребенный великан; средневековая Британия; хронотоп; фэнтези; память; сэр Гавейн; бритты; саксы; Проскурнин; художественный мир.

Категория времени, неразрывно связанная с исторической памятью, достаточно часто становится определяющей темой исследования как ученых, так и художников слова. В отечественной науке последний роман Исигуро «Погребенный великан» (2015), непосредственно касающийся проблемы времени, памяти и забвения, еще не стал предметом исследования, и в этом новизна и актуальность предлагаемой статьи.

На обороте книги «Погребенный великан», изданной на русском языке, приводится характерное высказывание английского критика Нила Геймана: «Исигуро не боится обращаться к глобальным и в то же время личностным темам, используя мифы, историю и фантастические мотивы как инструменты» [Исигуро 2016]. К этому можно добавить, что его последний роман написан для интеллектуалов и представляет собой своего рода Science Fiction. Писатель сопрягает различные временные отрезки: историческое время граничит с мифологическим и с современностью. Роман соткан из разнообразных жанрово-тематических элементов: отголоски героического эпоса («Беовульф») ощущаются в эпизодах, связанных с драконихой Квериг, мотивы рыцарского романа заметны в воспоминаниях сэра Гавейна о короле Артуре и его правлении, прослеживается куртуазия в отношениях главных героев Акселя и Беатрисы. И в то же время произведение может быть отнесено к жанру фэнтези, причем с четко выраженным историческим фоном, за счет приближения в финале к жанру притчи.

По мнению современного английского литературоведа де Грота, «историческое письмо может осуществляться в рамках многочисленных фикциональных локальностей: любовной истории, детектива, триллера, условных жанров, романа ужасов, романа в романе, неоготического жанра, эпопеи, фэнтези, романа тайны, вестерна, детской книги. В самом деле, жанровая гибридность и подвижность исторической художественной литературы долго была одной из ее определяющих характеристик» [De Groot 2010: 2].

В романе Исигуро можно точно установить время действия, во всяком случае эпоху. Это Англия в V – начале VI в. Лишенная поддержки Рима, начиная с 20-х гг. V в., Британия оказалась беззащитной перед новым нашествием варваров. Дальнейший ход событий обычно реконструируется по тем сведениям, которые содержатся главным образом в сочинениях Гильдеса и Беды, а также в «Англо-саксонской хронике» [Brooks 2000: 23]. Не выдержав натиска скоттов и пиктов, одна из групп бриттов во главе с неким Вортигерном обратилась к германским наемникам. И примерно в середине V в. с континента

прибыли первые англосаксы. Археологические раскопки показывают, что отдельные поселения англосаксов появились в Британии еще в римскую эпоху [Wood 1987: 45]. К середине V в. начались открытые вооруженные столкновения германцев с британскими войсками.

В первой половине VI в. началась вторая фаза массовых миграций англосаксов, хотя «первоначальные успехи этого продвижения были весьма скромны» [Глебов 2015: 33]. Объединившись под властью потомка знатной романо-бриттской семьи по имени Амвросий Аврелиан, «бритты одержали несколько побед над германцами, кульминацией этого стала битва у горы Боден» [Wood 1987: 45] в 516 г. В ней англосаксы потерпели сокрушительное поражение и были вынуждены приостановить свой натиск. В преданиях эта победа приписана легендарному королю Артуру, превратившемуся в центрального героя британского эпоса и рыцарских романов [Brooks 2000: 23]. Об этом сражении вспоминает один из главных персонажей романа, племянник короля Артура, сэр Гавейн.

Период царствования Артура считается эпохой идеального рыцарства, куртуазии и отваги. Это время в романе «Погребенный великан» представляется недалеким прошлым, поскольку сэр Гавейн, хотя и состарился, но продолжает традиции рыцарей Круглого стола. Он является хранителем памяти о прошлом, гармоничном мире. Затем наступил мир хаоса с появлением в землях бриттов драконихи Квериг, напускающей мрак на жителей Британии, лишаящий их памяти и прошлого. Лишь сэр Гавейн помнит, что король Артур во время своего правления «установил прочный мир между бриттами и саксами, и, хотя до нас доходят слухи о далеких войнах, здесь мы уже давно стали друзьями и соплеменниками... Мой дядя был правителем, никогда не полагавшим себя превыше Господа, и всегда молился, чтоб тот указал ему путь, поэтому побежденные, как и те, кто сражался на его стороне, видели его справедливость и желали перейти под его корону» [Исигуро 2016: 146]. ("Sir Gawain said "Our beloved Arthur brought lasting peace here between Briton and Saxon, and though we still hear of wars in distant places, here we've long been friends and kin... My reply is that my uncle was a ruler never thought himself greater than God, and always prayed for guidance. So it was that the conquered, no less than those who fought at his side, saw his fairness and wished him as their king"") [Ishiguro 2015]).

В романе «Погребенный великан» присутствуют приметы исторического времени: просевшие дороги, оставшиеся от римлян; кое-где встречающиеся развалины римских вилл. Точно

представлен тип построек: жилища бриттов, вырытых в склонах холмов, соединенных друг с другом глубокими подземными переходами и крытыми коридорами, где находила приют вся община. Детально изображены круглые дома саксов с соломенными крышами и просторным общинным домом.

Исигуро подробно воссоздает картину мира человека раннего Средневековья, когда общинник-крестьянин воспринимал себя в качестве члена сельского мира, выполняя порученную ему работу, подчиняясь общему распорядку. Весь ход его жизни определялся природным ритмом. По словам российского медиевиста А. Гуревича, «...христианское мировоззрение ложилось в его сознании на мощный пласт отнюдь не изжитых магических и мифологических представлений» [Гуревич 1984: 20]. Создавая роман, Исигуро безусловно учитывал высокий удельный вес фантастического элемента, присущий английской литературе со времен Шекспира. Перефразируя высказывание А. А. Смирнова об ирландских сагах, в романе «Погребенный великан», как и в сагах, можно обнаружить «упоение фантазией и крепкое чувство конкретности, пышной величавости и задушевной интимности» [Смирнов 1973: 549].

В фольклоре Великобритании далекое прошлое связано с легендами о демонах и ограх, драконах и великанах. Происходили события, в которых принимали участие рыцари короля Артура, а также Мерлин и фея Моргана. В XV в. Т. Мэлори создал мир рыцарских романов, в которых легендарные события соединялись с исторической реальностью.

Сюжет романа Исигуро складывается из трех нарративных элементов: мотив странствия-путешествия, вокруг которого строится и композиция, и интрига; уничтожение дракона (здесь она в женском роде – дракониха) и временные соотношения в структуре памяти. Два немолодых члена общины бриттов, Аксель и Беатриса, внезапно отправляются на поиски сына, который, по их мнению, живет в деревушке примерно в двух днях пути. Они не могут вспомнить, как выглядит их сын: «ни лица, ни голоса» [Исигуро 2016: 35] (“neither his face nor his voice” [Ishiguro 2015]). Акселю иногда кажется, что он припоминает, каким их сын был иногда в детстве, а Беатриса уверена, что сын превратился в красивого, сильного, справедливого человека, который «возьмет их под свое крыло, и никто не будет обращаться с ними грубо и насмешливо» [Исигуро 2016: 32]. (“He’ll protect us and see no one treats us ill” [Ishiguro 2015]).

Разговор с женой разворошил «бесчисленные обрывки памяти Акселя, да так сильно, что он

чуть не потерял сознание» [Исигуро 2016: 33] (“many fragments of memory tugged at Axl’s mind, so much so that he felt almost faint” [Ishiguro 2015]). Но в общине никто не помнил их сына, а они не могли припомнить, почему сын живет вдали от них и по какой причине он покинул своих родителей. Уже многие годы на их деревню и на весь окружающий мир по вечерам напал мрак, и они ничего не могут вспомнить из прошлой жизни. Иногда прошлое вспыхивает внезапными бликами, но связать их воедино им не дано, так же как и другим членам общины.

Считается что память – категория, несущая в себе прошлое. Замечено, что «особенность человеческой памяти заключается в том, что это уже не естественно-природная, а социально-культурная память, которая для отдельного человека складывается из знания о своем происхождении, о своем детстве, о своем Я, то есть речь идет о самосознании личности» [Коковина 2003: 3]. Существуют и социальные формы памяти, выражающиеся в коллективной памяти семей, социальных групп. Автор монографии о категории памяти в русской литературе Н. Коковина подчеркивает, что «понятие исторической памяти неразрывно связано с категорией времени, постигается через него и, в свою очередь, служит ключом к структуре времени. Ведь категория времени формирует мироощущение эпохи, сознание людей, ритм их жизни, отношение к вещам и идеям, осознание человеком самого себя как личности. Поэтому взаимообусловленность категории памяти и времени становится основой философского осмысления бытия в целом» [там же: 210].

Рассуждая о времени в раннем Средневековье, А. Гуревич отмечает: «Существенным аспектом времени был счет поколений. Определив принадлежность лица к тому или иному поколению или установив их последовательность, получали вполне удовлетворявшее представление о связи событий, о ходе вещей и обоснованности правовых притязаний. Понятие поколений воспроизводило ощущение живой преемственности, органических человеческих групп, в которые индивид включался как реальный носитель связей, соединяющих настоящее с прошлым и передававших их в будущее... На каждом хуторе, поселке, общине время текло, подчиняясь смене поколений» [Гуревич 1984: 109]. Поэтому для Акселя и Биатрисы столь важно найти сына, чтобы не прерывалась связь поколений.

На своем пути к сыну Акселю и Беатрисе приходится преодолевать горные вершины, прокладывая дорогу сквозь заросли колючего кустарника и чертополоха. Они оказываются в саксонской деревушке, встревоженной нападением

драконов на рыбаков, мирно удивших рыбу в прикормленном месте. Рыбаки погибли, а двенадцатилетнего мальчика Эдвина, находившегося с ними, драконы утащили в свое логово. Саксонский воин Вистан, оказавшийся случайно в деревне, сумел уничтожить драконов и спасти ребенка. Но у мальчика обнаружился след от укуса дракона, и по поверьям саксов в скором времени он может услышать зов драконихи и сам превратиться в дракона. Саксы решили избавиться от подростка, а Вистан, дабы спасти мальчика, предлагает Акселю и Беатрисе забрать его с собой втайне от общины и оставить в деревне сына на его попечении.

Вистан объясняет Акселю и Беатрисе, что он явился в эти края с востока, по поручению своего короля, чтобы проверить, не терпят ли соплеменники-саксы в этих краях дурное обращение от бриттов. Более того, его король опасается, что бриттский лорд Бреннус «строит планы захватить здешние земли и объявить войну всем саксам, которые тут живут» [Исигуро 2016: 162] (“conquer this land for himself and make war on all Saxons now living on it” [Ishiguro 2015]). Вистан поведал, что его король уверен, что лорд Бреннус захватит Квериг и заставит ее сражаться на своей стороне.

После двух дней пути Аксель и Беатриса вместе с Вистаном и Эдвином вышли к большой открытой площадке под открытым небом, в центре которой сидел высокий человек в доспехах, прислонившись спиной к огромному дубу. «Доспехи были старые и ржавые, хотя рыцарь, без сомнения, прилагал все усилия, чтобы сохранить их в достойном виде» [Исигуро 2016: 136]. (“His armour was frayed and rusted, though no doubt he had done all he could to preserve it” [Ishiguro 2015]). В этом эпизоде возникает интертекстуальная отсылка к рыцарю Печального Образа. Ведь и сэра Гавейн, изображенный здесь, будучи рыцарем короля Артура, выполняет функцию защитника всех обиженных и страждущих: «...Артур всегда наставлял нас щадить невинных, попавших под железную поступь войны... Более того, он приказывал нам спасать и давать убежище, когда это было возможно, всем женщинам, детям и старикам, равно бриттам и саксам. На этом и зиждилось доверие, пусть вокруг и гремели битвы» [Исигуро 2016: 147]. (“...Arthur charged us at all times to spare the innocents caught in the clatter of war. More, sir, he commanded us to rescue and give sanctuary when we could to all women, children and elderly, be they Briton or Saxon. On such actions were bonds of trust built, even as battles raged” [Ishiguro 2015]).

У сэра Гавейна есть верный конь по кличке Гораций, с которым он неразлучен. Гавейн уве-

рен, что при имени короля Артура они с Горацием всюду встречают теплый прием, потому что король Артур «был так милостив к побежденным, что вскоре те начинали любить его как своего родича» [Исигуро 2016: 145]. (“Horace and I find our king’s name well received everywhere, sir, even in those countries you mention. For Arthur was one so generous to those he defeated they soon grew to love him as their own” [Ishiguro 2015]).

Дальнейший событийный ряд странствия супружеской пары продолжается в монастыре, основанном на месте прежней горной крепости саксов. Постоянное чувство напряжения и опасности поддерживается воссозданием мрачного колорита жизни монахов, их самоистязания во время покаяния. Прикованные в наручниках к столбу в железной клетке, они выставляли себя на корм горным птицам. Железная маска хотя и служила целям милосердия, но предохраняла только глаза. Монастырь был известен в этих краях тем, что в его стенах находился прорицатель и целитель монах Джонас, не разделявший, кстати, существующей в монастыре надежды на то, что прощение и благословенье божье обойдутся «всего в пару молитв и толику раскаяния» [Исигуро 2016: 200] (“...few prayers and a little penance will bring forgiveness and blessing” [Ishiguro 2015]).

Монах Джонас открывает Акселю и Беатрисе тайну потери их памяти. Он поведал им, что дыхание Квериг стелется по земле и крадет у них память. Саксонскому воину Вистану известно, что монахи давно охраняют Квериг, а Джонас удручен бесконечными спорами монахов относительно их дальнейших действий: стоит ли взглянуть в лицо прошлому и тем самым избавить мир от драконихи, либо ничего не менять и оставить все как есть. Большая часть монахов и аббат поддерживают вторую точку зрения. Беатриса полагает, что эти споры монахов их с мужем не касаются, она хотела бы вернуть память, поскольку, как ей представляется, они с Акселем прожили счастливую жизнь и ей не хочется стереть следы прошлого. Она надеется на историю со счастливым концом, так как уверена, что любовь друг к другу всегда наполняла их сердца и они готовы принять любые воспоминания, – ведь это их общая жизнь.

Мрачная череда событий продолжается для Акселя, Беатрисы и Эдвина в подземном тоннеле, куда их спешно уводит один из монахов, хлопнув за ними монолитный люк. Их охватывает страх перед неведомым, под их ногами хрустят груды человеческих костей. Они понимают, что оказались в давнем месте погребения, использовавшемся еще римлянами, о чем свидетельствуют кое-где сохранившиеся римские

фрески и письма. В свете вспыхнувшей впереди свечи они к удивлению обнаруживают сэра Гавейна, раскрывшего им тайные злодеяния и интриги монахов, отправивших их на верную гибель от чудовища, поджидающего всякого у выхода из тоннеля. Сэр Гавейн возмущен поступком монахов: «...Людам Христа не гоже использовать ни меч, ни даже яд. Поэтому тех, кому они желают смерти, они отправляют сюда и уже через пару дней забывают, что вообще это сделали. Таковы их методы, особенно у Аббата» [Исигуро 2016: 216]. (“As men of Christ, it’s beyond them to use a sword or even poison. So they send down here those they wish dead, and in a day or two they’ll have forgotten they ever did so. Oh yes, that’s their way, especially the abbot’s”) [Ishiguro 2015]).

Гавейну стало известно, что монахи желали смерти как Эдвину, так и супружеской паре – свидетелям их деяний. Он подтверждает догадки Акселя и Беатрисы, что тоннель является местом погребения. Для него это часть истории страны: «Осмелюсь заметить, что вся наша страна именно это собой и представляет: прекрасная зеленая долина. Молодая роща, на которую так приятно смотреть по весне. Копните землю, и из-под маргариток и лютиков покажутся мертвецы. И не только те, кто удостоился христианского погребения. Наша земля пропитана останками после давнего кровопролития. Мы с Горацием устали от этого. Устали и состарились» [Исигуро 2016: 224]. (“I dare say, sir, our whole country is this way. A fine green valley. A pleasant copse in the spring-time. Dig its soil, and not far beneath the daisies and buttercups come the dead. And I don’t talk, sir, only of those who received Christian burial. Beneath our soil lie the remains of old slaughter. Horace and I, we’ve grown weary of it. Weary and we no longer young”) [Ishiguro 2015]).

В этой фразе безусловно представлена точка зрения человека нового времени, своего рода взгляд из XXI в. Сэр Гавейн присутствует в двух временных пространствах одновременно: в Средневековье и новом времени. Хотя в самом тексте романа речь идет о неуютном и неприветливом ландшафте раннего Средневековья, где путешественникам встречаются безымянные скалы, горы, реки, утесы, а также непроходимые леса.

В начале романа повествователь – человек, явно принадлежащий XX в., – противопоставляет современный уютный английский пейзаж Средневековью. В краткой экспозиции он представляет читателю панораму ландшафта средневековой Англии: «...На многие мили вокруг растлалась земли пустынные и невозделанные, изредка перемежающиеся неторными тропами по скалистым горам или мрачным, заболоченным пустошам. Дороги, оставшиеся от римлян, к тому

времени либо превратились в сплошные колдобины, либо заросли травой, часто уводя в глухомань и там обрываясь. Над речками и болотами нависал ледяной туман – прекрасное убежище для огров, которые в те времена чувствовали себя в этих краях как дома» [Исигуро 2016: 7]. (“There were instead miles of desolate, uncultivated land; here and there rough-hewn paths over craggy hills or bleak moorland. Most of the roads left by the Romans would by then have become broken or overgrown, often fading into wilderness. Icy fogs hung over rivers and marshes, serving all too well the ogres that were then still native to this land”) [Ishiguro 2015]).

Этот пассаж практически дословно совпадает с описанием известного историка А. Я. Гуревича: «Ландшафт Западной и Центральной Европы в период раннего средневековья существенно отличался от современного. Большая часть ее территории была покрыта лесами... Немалая доля безлесного пространства представляла собой болота и топи: старые римские дороги... постепенно пришли в негодность... Лес отпугивал подстерегавшими в нем опасностями: дикими зверями, разбойниками и другими лихими людьми, призрачными таинственными существами и оборотнями, какими охотно населяла окружающий селения мир человеческая фантазия» [Гуревич 1984: 56].

Находясь в «неокультуренном» пространстве дикой природы, сэр Гавейн мужественно, как и подобает эпическому герою, сражается с чудовищем, спасая Акселя и Беатриссу от неминуемой гибели. В изображении Гавейна отсутствует известный по средневековому роману мотив искушения любовью, напротив, в книге «Погребенный великан» подчеркивается героическая природа испытания рыцаря Круглого стола. Гавейн вынужден отправиться в логово драконихи Квериг, двигаясь навстречу своей судьбе¹.

Ему предстоит сразиться с молодым, физически более сильным Вистаном, считающим себя вправе мстить бриттам за всех угнетенных и погубленных саксов. А Гавейн стремится из последних сил уберечь Квериг как символ забвения, дабы не свершались бесконечные братоубийственные войны между бриттами и саксами. Так же, как и в известном средневековом романе, Гавейна ожидает «смерть от благородного противника при исполнении рыцарского долга, что в конце концов является почетной формой гибели» [Оверченко 2003: 142].

Вистан требует от саксонского подростка Эдвина нести в своей душе ненависть к бриттам: «Наш долг ненавидеть каждого мужчину, женщину и ребенка, в жилах которых течет их кровь... Обещай, что ты будешь лелеять в душе эту ненависть... Мстить никогда не поздно»

[Исигуро 2016: 314]. (“We’ve a duty to hate every man, woman and child of their blood. So promise me this. Should I fall before I pass to you my skills, promise me you’ll tend well this hatred in your heart. And should it ever flicker or threaten to die, shield it with care till the flame takes hold again. Will you promise me this, Master Edwin?” [Ishiguro 2015]). Вистану важно, чтобы память вернулась к саксам, и тогда кровопролитию не будет конца. Отечественный историк И. М. Дьяконов в своей книге «Пути истории» заметил: «Англы и саксы, что было довольно необычно для того времени, пытались истребить здесь местное население; это вынудило кельтский народ бриттов отступить в Уэллс и Корнуолл или бежать через море в современную Бретань» [Дьяконов 1994: 90].

Миротворцем в романе Исигуро выступает Гавейн, защитник христианского гуманизма, в отличие от язычника Вистана с его идеологией «око за око и зуб за зуб». В книге присутствуют формальные признаки рыцарского романа, но мотив искушения любовью намеренно не реализован в связи с образом Гавейна. Любовь становится главным источником вдохновения для другого рыцаря Круглого стола, Акселя, хотя дыхание Квериг стерло из его памяти время служения Артуру. Лишь Гавейн напоминает в редких вспышках памяти и во сне трудный разговор Артура с Акселем в присутствии Гавейна о нарушенном королем Артуром перемирии между англами и саксами, в то время как Аксель клятвенно убедил саксов в том, что никогда воины Артура не вступят на их землю и не будет пролита кровь ни взрослых, ни невинных младенцев. Аксель вспоминает, что его называли Рыцарем мира, потому что он завоевал доверие саксов. Аксель возмущен вероломством Артура, правда, Гавейн пытается объяснить Акселю, что соглашение между саксами и бриттами было временным. Аксель покидает Артура – низкий мир человеческих страстей, уходя в частную жизнь. Отныне всего себя он посвящает прекрасной даме, собственной супруге. Его отношения к ней пронизаны исключительной куртуазностью и в стиле обращения (княгиня), и в вежливости и учтивости в поведении, и в заботах о бытовом комфорте, и в тревогах в связи с ее недомоганием.

Мотив поклонения собственной жене как прекрасной даме «очеловечивает» Акселя и разрушает стереотип куртуазного романа. Считается, что эпос и рыцарский роман содержат разную правду, опирающуюся в «первом случае на “историю”, а во втором на мораль» [Оверченко 2003: 196]. Одной из главных рыцарских добродетелей почиталась верность возлюбленной. Однако после убийства драконихи вернувшаяся па-

мять напомнила Беатрисе эпизод, когда Аксель оставил ее, увлекшись, как ей тогда показалось, другой женщиной, моложе и красивее, а Аксель вспомнил измену Беатриссы, покинувшей его на несколько месяцев (аллюзия на измену жены короля Артура Джиниевры).

Исследователь английского рыцарского романа М. Оверченко замечает, что «любовь как важнейшее проявление «внутреннего человека» в рыцаре по канону должна становиться главным источником его вдохновения и доблести при свершении подвигов» [там же: 374]. Подвигом Акселя стало заключение мира между саксами и бриттами.

Иногда в памяти Вистана возникал образ благородного и мудрого князя бриттов, обещавшего мир и спокойствие саксам. Вистан в ту пору был маленьким мальчиком, но этому князю он поверил, так же как и его сородичи. Однако «обещание» было попрано жестоким кровопролитием, бритты увели с собой мать Вистана, а его отправили в военный лагерь, где воспитали воином. Когда к Вистану вернулась память, он понял, что этим князем-миротворцем был Аксель, что в его действиях не было коварства, и что он искренне желал блага для обоих народов.

Как и в средневековом романе о Гавейне, «христианское мировоззрение находит воплощение в ценностях куртуазного кодекса, которому привержены все истинные рыцари» [там же: 187].

Гавейн и Аксель готовы проявить свои лучшие качества, являясь «представителями сложного комплекса религиозно-куртуазных добродетелей» [там же: 204]. Однако если Гавейн исполнен намерений осуществить подвиг во имя рода человеческого, вписываясь в своеобразный «макрокосм», то Аксель, целью которого стало служение прекрасной даме (после ссоры с Артуром), остался в частном мире «микрокосма».

Роман имеет кольцевую композицию. В начале путешествия Аксель и Беатриса встречают лодочника, перевозящего людей по их просьбе на неведомый остров. Если туда стремится попасть супружеская пара, то оба супруга должны по отдельности припомнить заметные эпизоды из их общей жизни, и если они идентичны, т. е. людей связывают «невероятно сильные узы любви», то и на острове они будут неразлучны. Однако Аксель вспомнил, что долго не мог простить жене ее измену: «из-за глупости и гордости» не разрешил ей посетить могилу сына, ушедшего из дома из-за конфликта между родителями и скончавшегося от чумы в соседней деревне. Аксель стремится убедить лодочника, что их размолвка с женой давно забыта, что их любовь с годами окрепла, «что без черных суме-

рек... не наступил бы рассвет» [Исигуро 2016: 409]. («And I knew the last of the darkness had left me» [Ishiguro 2015]). Но лодочник выполняет свою работу, увозя на остров Беатрису, разлучив ее с мужем. Т. А. Михайлова в статье «Острова за морем, или Тема плаваний в иной мир в ирландской традиции» указывает, что «имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет реконструировать некий прамиф о некоем едином Острове – обители мертвых или неких сверхъестественных существ, куда непременно после окончания земного существования должны попасть все люди (или хотя бы – избранные)» [Михайлова 2002: 154].

Другой исследователь ирландского фольклора В. П. Калыгин обращает внимание на то, что «Иной мир, как впрочем и загробный, помещается вне доместицированного пространства: вне дома, вне поселка, за лесом, за горами, за морем» [Калыгин 2002: 154]. Он отмечает, что мифология – как кельтская, так и германская – засвидетельствована на поздней стадии своего существования, в эпоху упадка и разложения, когда она сосуществовала с христианством в рамках двоеверия. Именно этот период изображает Исигуро. «Смерть далеко не всегда мыслится как нечто отрицательное... идея представления о смерти как о конце нами встречена не была», – указывает Т. Михайлова в статье «Отношение к смерти у кельтов: номинация умирания в гойдельских языках» [Михайлова 2002: 17].

Композиции романа присуща пространственно-временная симметрия. Путешествие Акселя и Беатрисы длится чуть более трех дней, начинаясь от деревни, через Великую Равнину и полуразрушенную римскую виллу, где обитает лодочник, отправляющий людей на Остров. Действие замыкается в круг, возвращаясь к тому же пункту, откуда началось. Лодочник выступает одновременно и повествователем, и перевозчиком душ людей в Иной мир. Это приводит к концентрации внимания на развивающихся событиях. Лодочник существует как в далеком прошлом (возможно, со времени прибытия Брута на остров), так и в момент развития действия, связанного с путешествием Акселя и Беатрисы, в то же время ему ведомо будущее. Именно лодочник в начале романа сопоставляет пейзаж современной Британии со средневековым. Он, как и прорицатель Мерлин, находится над временем и над пространством.

Путешествие для Акселя и Беатрисы завершилось на новом уровне жизненного опыта. Пространственная перспектива совмещается с моральной. Этот роман не столько рыцарская эпопея, сколько психологический роман о сложности и запутанности человеческой судьбы, об

одиночестве и покаянии. В нем представлен широкий гуманистический взгляд на взаимоотношения людей. Писатель отстаивает благородство, умение понимать, и прощать, и не взыскивать с других за их промахи и просчеты. Все пережитые чувства, посетившие человека, мысли не проходят бесследно, а продолжают существовать в памяти. Люди продолжают жить в памяти людей, пока о них помнят. Их жизнь продолжается в ином мире – обители вечного покоя. Временные ориентиры последней части романа – вечность и время – охватывают всех живых и мертвых. Есть всеобщий закон перехода живых в иной мир, где время останавливается и люди пребывают там в большинстве своем в одиночестве, и только некоторым дано находиться в этом «мире теней» вдвоем, о чем мечтают Аксель и Беатриса. В романе происходит изменение сознания Акселя и Беатрисы. Время от простого и понятного «день, год, весна, утро, ночь» переходит через забытое в былое, из настоящего в будущее, к абстрактному понятию «вечность». Сама жизнь человеческая становится мерилем времени. Конкретная жизнь Акселя и Беатрисы превращается в раздумье о человеческой судьбе. В хронотопе наблюдается слияние прошлого, настоящего и будущего, внутреннее пространство романа расширяется до сферы Вселенной.

Роман «Погребенный великан» помещен в широкий контекст легендарной истории Британии и, в определенной мере, всего человечества. Это роман-предупреждение, ибо в нем в художественной форме представлено осознание истории как урок будущим поколениям, поскольку во взаимоотношениях людей существует лишь один выход – мирное и разумное сотрудничество между нациями и народами.

В своем интервью корреспонденту «Нью-Йорк Таймс» Исигуро заметил, что он к своему удивлению обнаружил, что период англосаксонского нашествия «остался, по сути, белым пятном Британской историографии» [Alter 2015]. Отечественный историк А. Б. Глебов заключает: «Политическая карта Англии времени самого завоевания практически неизвестна, хотя мы и знаем более или менее определенные даты основания большинства англо-саксонских королевств» [Глебов 2015: 34]. Этот период в истории средневековой Британии нашел отражение в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. В его изложении история бриттов приобретает черты героического сопротивления иноземцам, сопротивления, которое растягивается не на одно столетие. «Не приходится удивляться, что трактовка германских племен и их вождей... у Гальфрида неизменно отрицательная... Англы и саксы непременно коварны, жестоки и подлы»

[Михайлов 1984: 209]. Гальфрид Монмутский считает, что «благодаря этим качествам саксам удается не раз одерживать верх над бриттами, которые обычно побеждают в открытом и честном бою» [там же]. Но далеко не все бриттские цари изображены Гальфридом положительно: «Рисуя правителей слабых или коварных, нерешительных или вероломных, он сознательно противопоставляет им своих положительных героев, прежде всего, Артура» [там же: 210].

Французский историк Е. Фарралль, тщательно изучивший книги Гальфрида Монмутского и Ненния (предшественника Гальфрида) поясняет: «Артур, вождь северных бриттов, герой локальных сражений, приобретает в тексте артурианы в том виде, в каком она дошла до нас, черты героя, чьи подвиги распространяются на всю Британию, и в котором последующие поколения призваны прославить наиболее крупного государя британской национальной истории» [там же: 221]. Однако в последнем романе Исигуро читатель обнаруживает не «мифологизацию истории», а «историзацию мифа». В книге имеются красноречивые эпизоды непрекращающейся изнурительной, кровопролитной борьбы бриттов с англосаксами, с чередой отдельных частных успехов и поражений с обеих сторон, с картинами жестокой резни и злодеяний. Полагаем, что из-за современной политкорректности обозреватели англоязычных газет и журналов эти сцены не анализируют [Alter 2015; Holland 2015; Miller 2015; Preston 2015 ; Rich 2015; Wood 2015].

Исследователи отмечают, что в клерикальном XI в. вообще существовала тенденция изображения Артура «как злобного тирана, грабителя и совершенно бессовестного человека» [Михайлов 1984: 219]. Не случайно в романе есть страницы, повествующие о ссоре Акселя с Артуром, нарушившим перемирие, заключенное ранее между саксами и бриттами. Исигуро, как всякий большой писатель, раскрывает сложное развитие мировой истории во всей ее противоречивости. Один из серьезных историков современности Э. Трельч в книге «Историзм и его проблемы» писал: «Историческое время – это поток, в котором ничто не ограничивается и не обособляется, а все переходит друг в друга, прошлое и будущее одновременно проникнуты друг другом, настоящее всегда продуктивно заключает в себя прошлое и будущее» [Трельч 1994: 50].

В одном из интервью Исигуро заметил, что когда он перечитывал роман «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», его не заинтересовали описания турниров, но он представил себе, что этот «неокультуренный таинственный мир» может быть интересен. По его словам, его волновала проблема коллективной и социальной памяти и

ее атрофия. На взгляд писателя, достаточно обратиться к послевоенной истории Европы, конкретно Франции времени Второй мировой войны, или современной Боснии, Америки, Японии. Но писатель предупреждает, «что его роман нельзя рассматривать исключительно как политический. Это его обедняет и упрощает» [Alter 2015].

Исигуро неоднократно подчеркивал, что он состоялся как личность в «идеальное» время конца 60-х – начала 70-х гг. XX в., когда молодое поколение (молодые люди его возраста) выросли с мыслью, что они должны изменить мир и что это их обязанность [Селитрина 2014: 141]. Исигуро был членом многих политических групп и участвовал в качестве волонтера во многих социальных проектах. У его сверстников были прекраснодушные идеалы. «Однако жизнь все усложнялась, и в настоящий момент, считает писатель, «на многих из нас лежит тяжелая ноша ответственности за все, что происходит в стране: кто находится у власти, какие решения принимает правительство, что значит быть гражданином демократической страны» [Conversations 2008: 100]. По мнению писателя, каждый член общества выполняет свои текущие обязанности, живя надеждой на лучшее будущее: «мы не возглавляем правительство, не являемся инициаторами государственных переворотов, но мы работаем, работаем на нанимателя или на организацию. Конечно, наш вклад в общее дело достаточно мал, но мы уверены, что те, кто находится наверху социальной лестницы, используют наш вклад в общее дело в справедливых целях» [там же: 101].

Писателю присущ историзм мышления. В одной из финальных сцен романа говорится о возможном пробуждении «погребенного великана». Образ погребенного великана можно интерпретировать как аллегория войны. И тогда, как полагает писатель, может наступить «*mau-hem*» (хаос) [Alter: 2015]. Поэтому Исигуро как наиболее чуткий представитель человечества призывает объединиться перед возможной, надвигающейся бесчеловечностью и искать выход на путях как политики, так и культуры, неразрывно с ней связанной.

Совершенно справедливо известный отечественный ученый Б. М. Проскурнин считает, что «всякий исторический романист, как бы глубоко он ни уходил в прошлое, на самом деле стремится сказать что-то важное о современности, заострить внимание на принципиальных для него проблемах и вопросах своего времени, истоки которых он видит в исторической дали и о последствиях необдуманных (спорных, противоречивых) решений которых он хотел бы предупредить читателей» [Проскурнин 2013: 216].

Б. М. Проскурнин склонен рассматривать анализируемое нами произведение как современную модификацию жанра исторического романа. В самом деле, последнюю книгу Исигуро можно вписать в обширный ряд романов с исторической тематикой: Умберто Эко «Имя Розы» (1980), Милорада Павича «Хазарский словарь» (1989), Грэма Свифта «Водоземье», Джулиана Барнса «История мира в 10 ½ главах» (1989) и т. д. Мэриадель Боккарди в своей книге «Современный британский исторический роман» («The contemporary British historical novel», 2009) цитирует известную английскую писательницу А. Байетт, обратившую внимание на то, что история вновь проникла в английскую беллетристику как важнейшая составляющая [Boccardi 2009: 1]. Однако многие западные исследователи помещают последнюю книгу Исигуро в жанр фэнтези по типу Толкиена и Ле Гуин [Alter 2015; Miller 2015]. Полагаем, что в постмодернистскую эпоху могут мирно сосуществовать обе точки зрения.

Примечание

¹ Авторы статей в зарубежной периодической печати отмечают аллюзии как из средневекового рыцарского романа о сэре Гавейне, так и из «Беовульфа».

Список литературы

Глебов А. Б. Англия в раннее средневековье. СПб.: Евразия, 2015. 288 с.

Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.

Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Наука, 1994. 384 с.

Исигуро К. Погребенный великан. М.: Изд-во «Э», 2016. 416 с.

Коковина Н. З. Категория памяти в русской литературе XIX века. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. 234 с.

Калыгин В. П. Кельтская космология // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев / отв. ред. Т. А. Михайлова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 464 с.

Михайлов А. Д. Книга Гальфрида Монмутского // Гальфрид Монмутский. История Бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984. 284 с.

Михайлова Т. А. Отношение к смерти у кельтов: номинация умирания в гойдельских языках // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев / отв. ред. Т. А. Михайлова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 464 с.

Оверченко М. В. Неидеальное приключение идеального рыцаря // Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь. М.: Наука, 2003. 247 с.

Проскурнин Б. М. «После постмодернизма»: о динамике жанра исторического романа. Заметки на полях книги Джерома де Гроота // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3(23). С. 214–221.

Селитрина Т. Л. Русская и зарубежная литература. Сравнительно-исторический подход. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 160 с.

Смирнов А. А. Древнеирландский эпос // Ирландские саги. Ирландский эпос. М.: Худож. лит., 1973. 863 с.

Трельч Э. Историзм и его проблемы: пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 719 с. (Лики культуры).

Alter A. For Kazuo Ishiguro, «The Buried Giant» Is a Departure // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/02/20/books/for-kazuo-ishiguro-the-buried-giant-is-a-departure.html?ref=collection%2Ftimestopic%2FISHIGURO%2C%20KAZUO> (дата обращения: 07.12.2016).

Boccardi M. The Contemporary British Historical Novel. Representation, Nation, Empire. N. Y.: Plagrave Macmillan. 193 p.

Brooks N. Anglo-Saxon Myths. State and Church. 400–1066. L.: The Hambleton Press, 2000. 308 p.

Conversations with Kazuo Ishiguro: [Edited by B. W. Shaffer a. C. F. Wong]. University Press of Mississippi, 2008. 228 p.

De Groot J. The Historical Novel // The New Critical Idiom. L.: Routledge, 2010. 200 p.

Holland T. The Buried Giant Review – Kazuo Ishiguro Ventures into Tolkien Territory // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/mar/04/the-buried-giant-review-kazuo-ishiguro-tolkien-britain-mythical-past> (дата обращения: 07.12.2016).

Ishiguro K. The Buried Giant // FREEBOOK-SVAMPIRE. URL: http://www.ebookvampire.com/Most-Popular/The-Buried-Giant-by-Kazuo-Ishiguro/page_1.html (дата обращения: 27.01.2017).

Miller L. Dragons aside, Ishiguro's «Buried Giant» is not a fantasy novel // Salon. URL: http://www.salon.com/2015/03/02/dragons_aside_ishiguro_s_buried_giant_is_not_a_fantasy_novel/ (дата обращения: 07.12.2016).

Miller L. We're all Genre Readers Now: Can we finally stop the tired «pixies and dragons» vs. literary fiction wars? // Salon. URL: http://www.salon.com/2015/03/11/were_all_genre_readers_now_can_we_finally_stop_the_tired_pixies_and_dragons_vs_literary_fiction_wars/ (дата обращения: 07.12.2016).

Preston A. The Buried Giant by Kazuo Ishiguro – Review: «Game of Thrones with a conscience» // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/mar/01/the-buried-giant-kazuo-ishiguro-review-game-of-thrones-conscience> (дата обращения: 07.12.2016).

Rich N. The Book of Sorrow and Forgetting // The Atlantic. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/the-book-of-sorrow-and-forgetting/384968/> (дата обращения: 07.12.2016).

Ulin D. L. In Ishiguro's "The Buried Giant" Memory Draws a Blank // Los Angeles Times. URL: <http://www.latimes.com/books/jacketcopy/la-ca-jc-kazuo-ishiguro-20150301-story.html> (дата обращения: 07.12.2016).

Wood J. Kazuo Ishiguro's "The Buried Giant" // The New Yorker. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2015/03/23/the-uses-of-oblivion> (дата обращения: 07.12.2016).

Wood M. In Search of Dark Ages. N. Y., 1987. 250 p.

References

Glebov A. B. *Angliya v rannee srednevekov'e* [England in the early Middle Ages]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2015. 288 p. (In Russ.)

Gurevich A. Ya. *Kategoriya srednevekovoy kul'tury* [The category of the medieval culture]. Moscow, Iskustvo Publ., 1984. 350 p. (In Russ.)

D'yakonov I. M. *Puti istorii. Ot drevneyshego cheloveka do nashikh dney* [The ways of history. From the earliest man to the human of our days]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 384 p. (In Russ.)

Ishiguro K. *Pogrebennyi velikan* [The Buried Giant]. Moscow, "E" Publ., 2016. 416 p. (In Russ.)

Kokovina N. Z. *Kategoriya pamyati v russkoy literature 19 veka* [The category of memory in Russian literature of the 19th century]. Kursk, Kursk State University Publ., 2003. 234 p. (In Russ.)

Kalygin V. P. *Kel'tskaya kosmologiya* [Celtic cosmology]. *Predstavleniya o smerti i lokalizatsiya inogo mira u drevnikh kel'tov i germantsev* [Ideas of death and localization of another world among ancient Celts and the Germanic peoples]. Ed. by T. A. Mikhaylova. Moscow, LRC Publishing House, 2002. 464 p. (In Russ.)

Mikhaylov A. D. *Kniga Gal'frida Monmutskogo* [The book of Geoffrey of Monmouth]. *Gal'frid Monmutskiy. Istoriya Brittov. Zhizn' Merlina* [Geoffrey of Monmouth. The History of the Britons. The Life of Merlin]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 284 p. (In Russ.)

Mikhaylova T. A. *Otnoshenie k smerti u kel'tov: nominatsiya umiraniya v goidel'skikh yazykakh* [Attitude to death among the Celts: death nomination in Goidelic languages]. *Predstavleniya o smerti i lokalizatsiya inogo mira u drevnikh kel'tov i germancev* [Ideas of death and localization of another world among ancient Celts and the Germanic peoples]. Ed. by T. A. Mikhaylova. Moscow, LRC Publishing House, 2002. 464 p. (In Russ.)

Overchenko M. V. *Neideal'noe prikluychenie ideal'nogo rytsarya* [Non-ideal adventure of an ideal knight]. *Ser Gaveyn i Zelenyy Rytsar'* [Sir Gawain and the Green Knight]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 247 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. «Posle postmodernizma»: o dinamike zhanra istoricheskogo romana. *Zametki na polyakh knigi Dzheroma de Groota* ["After postmodernism": on the historical novel's development. Some notes in the margins of the book by Jerome de Groot]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya fililogia* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 3(27), pp. 214–221. (In Russ.)

Selitrina T. L. *Russkaya i zarubezhnaya literatura* [Russian and foreign literature]. *Sravnitel'no-istoricheskiy podkhod: monografiya* [Comparative historical approach: monograph]. Ufa, M. Aknullah Bashkir State Pedagogical University Publ., 2014. 160 p. (In Russ.)

Smirnov A. A. *Drevneirlandskiy epos* [Ancient Irish epos]. *Islandskie sagi. Irlandskiy epos* [Icelandic sagas. Irish epos]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 863 p. (In Russ.)

Troeltsch E. *Istorizm i ego problem* [Historicism and its problems]. Transl. from German. Moscow, Yurist Publ., 1994. 719 p. (In Russ.)

Alter A. For Kazuo Ishiguro, The Buried Giant is a Departure. *The New York Times*. Available at: <http://www.nytimes.com/2015/02/20/books/for-kazuo-ishiguro-the-buried-giant-is-a-departure.html?ref=collection%2Ftimestopic%2FIshiguro%2C%20Kazuo> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Boccardi M. *The contemporary British historical novel. Representation, nation, empire*. New York, Palgrave Macmillan, 193 p. (In Eng.)

Brooks N. *Anglo-Saxon Myths. State and Church. 400–1066*. London, The Hambledon Press, 2000. 308 p. (In Eng.)

Conversations with Kazuo Ishiguro. Ed. by B. W. Shaffer and C. F. Wong. University Press of Mississippi, 2008. 228 p. (In Eng.)

Groot J. de *The historical novel. The new critical idiom*. London, Routledge, 2010. 200 p. (In Eng.)

Holland T. The Buried Giant review – Kazuo Ishiguro ventures into Tolkien territory. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2015/mar/04/the-buried-giant-review-kazuo-ishiguro-tolkien-britain-mythical-past> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Ishiguro K. The Buried Giant. *FREEBOOKS-VAMPIRE*. Available at: http://www.ebookvampire.com/Most-Popular/The-Buried-Giant-by-Kazuo-Ishiguro/page_1.html (accessed 27.01.2017). (In Eng.)

Miller L. We're all genre readers now: Can we finally stop the tired "pixies and dragons" vs. literary

fiction wars? *Salon*. Available at: http://www.salon.com/2015/03/11/were_all_genre_readers_now_can_we_finally_stop_the_tired_pixies_and_dragons_vs_literary_fiction_wars/ (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Miller L. Dragons aside, Ishiguro's "Buried Giant" is not a fantasy novel. *Salon*. Available at: http://www.salon.com/2015/03/02/dragons_aside_is_higuros_buried_giant_is_not_a_fantasy_novel/ (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Preston A. The Buried Giant by Kazuo Ishiguro – review: "Game of Thrones with a conscience". *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2015/mar/01/the-buried-giant-kazuo-ishiguro-review-game-of-thrones-conscience> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Rich N. The Book of Sorrow and Forgetting. *The Atlantic*. Available at: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/the-book-of-sorrow-and-forgetting/384968/> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Ulin D. L. In Ishiguro's "The Buried Giant", memory draws a blank. *Los Angeles Times*. Available at: <http://www.latimes.com/books/jacketcopy/la-ca-jc-kazuo-ishiguro-20150301-story.html> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Wood J. Kazuo Ishiguro's "The Buried Giant". *The New Yorker*. Available at: <http://www.newyorker.com/magazine/2015/03/23/the-uses-of-oblivion> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Wood M. *In search of dark ages*. New York, 1987. 250 p. (In Eng.)

FICTIONAL WORLD OF THE MIDDLE AGES IN K. ISHIGURO'S NOVEL *THE BURIED GIANT*

Tamara L. Selitrina

Professor in the Department of Germanic and Romanic Linguistics and Foreign Literature

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

3, Oktyabrskoy revolyutsii st., Ufa, 450025, Russian Federation. Selitrina@yandex.ru

SPIN-code: 8794-0210

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0357-2218>

ResearcherID: S-5226-2016

Dilara G. Khalikova

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages

Ufa State Petroleum Technological University

1, Kosmonavtov st., Ufa, 450062, Russian Federation. Dilarakhali@gmail.com

SPIN-code: 4422-0325

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9895-4643>

ResearcherID: S-5007-2016

The article considers the specific character of time and space, the problem of memory and oblivion in the latest novel by K. Ishiguro *The Buried Giant* (2015). The novel is placed into the broad context of a legendary history of Britain and to a certain extent into the context of the whole mankind's world. The paper analyzes the world view of a medieval man at the time when Christian ideology overlaid the thick stratum of mythological ideas. Much attention is paid to the image of Sir Gawain, the defender of Christian humanity, the idea being different from the interpretation of the famous Arthurian Romances focused on love enticements of the knight of the Round Table. It is emphasized that out of the three narrative elements establishing both the composition and the plot, the basic motif is travelling and wandering. This motif is associated with poetics and chronotope embedded in the perception of a mediaeval man as well as of our contemporary. The novel narrates about the complexity and entanglement of human destinies, solitude and repentance, memory and oblivion, love and forgiveness. Ishiguro turns to the global and at the same time personal issues of existence applying myths, stories and fantastic motifs. Being written for intellectuals, Ishiguro's novel represents a kind of science fiction with a distinct historical background and approaches the genre of parable in its finale. It is concluded that Ishiguro's work is the novel-admonition that fictionalizes the perception of history as of a lesson for future generations.

Key words: Ishiguro; buried giant; medieval Britain; chronotope; fantasy; memory; Celtic mythology; Sir Gawain; Britons; Saxons; Proskurnin.